

МАХАРИШИ СВЯТОСЛАВ РЕРИХ

Интервью с индологом, профессором Н.М. Сазановой

Редакция продолжает публикацию материалов, посвященных 100-летию художника Святослава Рериха. Читателям предлагается интервью с известным индологом, доктором филологических наук, профессором Института стран Азии и Африки при МГУ Наталией Михайловной Сазановой. Многие годы ее связывала крепкая дружба со Святославом Николаевичем. Н.М. Сазанова неоднократно посещала русского художника в Индии, в Кулу и Бангалоре. Своими впечатлениями она поделилась с сотрудниками Государственного музея Востока. В беседе принимали участие О.В. Румянцева, В.Е. Голенищева-Кутузова, В.А. Росов.

— Наталия Михайловна, наш разговор о Святославе Николаевиче Рерихе вы только что начали словами о нежной дружбе. Что такое, по-вашему, «нежная дружба»?

Что такое «нежная дружба» со Святославом Рерихом... Мы встретились в Дели, сразу очень тепло почувствовали друг друга, и началась дружба. А что значит «нежная»? Это значит — по теперешнему времени даже непонятно — очень изысканная, очень внимательная, очень красивая, с цветами, с какими-то подарками. Вообще, как знаете, в хорошей семье всегда дружат. И так как это семья, то дружат нежно, любовно, а не просто как посторонние люди. Вот у нас была именно такая дружба.

Например, я приезжаю, он лично смотрит, висит ли в ванне чистое полотенце, какое у меня стоит мыло, какой шампунь, как всё приготовлено — это и есть нежная дружба, забота, как о близком человеке. Это приятно.

— Вы знали Святослава Николаевича долгое время, не один год, не два,

не три... Какое ваше самое яркое впечатление от встреч с ним?

Я различаю встречи в Индии и встречи в России. В Индии самые яркие, приятные воспоминания — это просто когда я была гостьей у Рерихов, жила у них в Кулу или в имении под Бангалором. Особенно яркие, когда Святослав лично показывал мне окрестности Кулу, рассказывал историю этих мест. Я индолог, поэтому мы с ним хорошо понимали друг друга. Он мечтал там сделать этнографический музей. Показывал принесенные из леса старинные изображения героев Махабхараты, скульптуру. Очень понравилось мне, если говорить о Бангалоре, как он рассказывал про слона, когда мы с ним сидели на берегу озера и смотрели вдаль. У него в имении было озеро, сейчас его снова возобновляют, оно высохло за то время, пока шли споры вокруг наследства. Там вообще-то водятся дикие слоны. Святослав рассказывал: «Вы знаете, у нас был такой случай. Однажды слоненок упал в яму, и, что вы думаете, мамаслониха подошла к нашему дому и за-

трубила. Мы вызвали из Бангалора пожарных, и слоненка из ямы вытащили. После этого слоны приходили к озеру и трубили — благодарили».

Святослав очень любил рассказывать обо всем, даже как устроена его машина для сушки сырья. В имении Татгуни были плантации эфирноносных деревьев. Он сам изобрел, а потом усовершенствовал эту машину, потому что считал, что всё должно быть натурально, никакой химии, и всё должно сушиться таким образом. Часа три он мне показывал, как это делается.

Очень интересно с ним было говорить не только о художниках, о живописи, — обо всем, даже о бытовых мелочах.

— При каких обстоятельствах вы познакомились со Святославом Николаевичем? Как встретились с ним первый раз?

Это было в Дели, в мае 1973 года, стояла дикая жара, под пятьдесят. Я спасалась в посольстве. Мне дали комнату с кондиционером, я там писала свою диссертацию. И как-то вечером мне сказали: «Вам, наверное, будет интересно познакомиться со Святославом Николаевичем Рерихом и Девикой Рани. Они здесь проездом в Кулу, остановились в гостинице». Сначала я легкомысленно отнеслась, потому что ждала известия от своего Учителя, чтобы ехать с ним в Гималаи. Потом решила, а почему бы не позвонить, ведь он же русский. И я позвонила. Приятнейший голос, со старинными интонациями. У меня так папа говорил, неповторимый стиль, русский язык — сказочный!

Святослав Рерих сказал: «Обязательно приезжайте, мы будем рады вас видеть». И я поехала, на следующий день они назначили мне время. Но дело в том, что в Индии я хожу всегда в сари, потому что так удобнее, несмотря на

все протесты посольства. У меня было очень необычное сари, мне его подарили, с фресками Аджанты и в тех же цветах. Такое «историческое» сари. И когда я поднялась к ним, в гостинице «Империал», сначала услышала по-английски «come in», «войдите», а потом: «Господи, что же вы стали совсем индианкой, индийкой?» Мы сразу рассмеялись. Потом он стал с интересом рассматривать мое сари и говорит: «А вы знаете, это вот в той-то пещере такой рисунок», и так мы подружились, рассматривая.

С Девикой мы тоже говорили, потом пошли обедать. Они тут же предложили мне: «Мы едем в Кулу, здесь жарко. Давайте с нами, у нас в машине есть место».

— И вы согласились?

Нет, не согласилась, у меня были свои планы, я ждала Учителя. Пообещала, что когда-нибудь к ним непременно приеду.

— А кто ваш Учитель? И почему вы его ждали?

Мой Учитель — Баба Шри Пад джи махарадж — знаменитый махатма Индии. Я собиралась отправиться с ним в Гималаи, и это было для меня гораздо важнее, чем посещение Рерихов. Шри Пад джи не совсем обычный махатма. Кто-то ходит по горам или сидит на дереве, как Дэвараху Баба из Вриндавана, а мой Учитель — это махатма нового типа. Он служил в миру, занимался общественной работой, подобно Свами Вивекананде.

На базе Аллахабадского университета вместе с ним мы создали Академию Брахма Шашват Бхарати, в которой изучались разные религии — индуизм, христианство, суфизм, мусульманство. Это было в 1978 году, джайпурский махараджа отдал под Академию свой дворец.

Шри Пад джи и Святослав Рерих.
Бангалор, гостиница «Ашока», 1989 год

— Ваш Учитель еще жив?

Нет, он уже ушел. Учитель познакомил меня с теми, о ком я даже не смела думать. Мы обошли с ним всю Индию и все Гималаи. Поэтому для меня выбора не было.

Индийцы говорят, что они знают Шри Пада очень давно. Свами — так мы называли Шри Пада — напоминает Баба джи, знаменитого гималайского йога. В будущем он снова придет для выполнения своей миссии.

Мне очень хотелось, чтобы Святослав Рерих познакомился со Шри Падом. Но между ними было расстояние от Гималаев до Бангалора. Я не могла двух таких людей взять и свести, это совершенно невысказано. Однажды я получила письмо из Бангалора. Свами

джи, оказывается, всё-таки доехал до Бангалора, и они прислали мне большое письмо с фотографиями. Святослав уже болел. Они вместе сидят рядом. И было три послания. Свами джи написал: «Да, Святослав — махариши». Всё! Для меня вопрос был закрыт — кто такой Святослав! А Святослав написал: «Спасибо, дорогая, это тот махатма, с которым я хотел встретиться». Девика написала о встрече более подробно. Свами джи соорудил храм под Бангалором. Там когда-то было святилище.

— Какие у вас еще самые светлые воспоминания о Святославе Николаевиче Рерихе?

Когда я приезжала в Индию и звонила Святославу, он тут же спрашивал:

«Когда приедете, когда присылать билет?» В 1978-1979 годах я была в Индии десять месяцев. Конечно, приехала в Бангалор, и Святослав сказал: «А теперь вы должны посмотреть юг Индии, потому что вы видели север, Гималаи, срединную Индию, а наш юг не видели». Он купил мне тур на хорошем автобусе по всему югу. Там ехали европейцы, индийцы, мы путешествовали по самым разным местам, и действительно я очень хорошо всё посмотрела.

Когда мы останавливались, я шла в ближайший индийский храм. В одном месте был маленький храмик. Вижу — брахман стоит, красит потолок, такой низенький, и все боги, деревянные, стоят в одном углу, он их еле стащил. Я говорю: «Дедушка, краска на богов капает, нехорошо». Он отвечает: «Знаешь, я их поднять не могу, их надо в другой угол». Ну, тогда я еще была молодая, взяла в охапку, они тяжеленные страшно, перетасила их в другой угол. Брахман мне сказал: «Если бы ты дала мне еще 10 рупий, я бы сделал пуджу со священным изображением и красную краску бы еще купил, а ты пока постереги богов». Я говорю: «На тебе 10 рупий, иди, я пока постерегу». Прибегает через 15 минут очень довольный, купил краски. А наш автобус уже уходит, и я ему говорю: «Всё, я уезжаю». Он в ответ: «Возьми бога, какого хочешь». Они такие большие, я взяла самую маленькую богиню в авоську.

Когда приехала к Рериху, он меня спрашивает: «Что это у вас в авоське?» — «У меня тут, вроде бы, Менакши, или Парвати, я точно не знаю». Он то прекрасно всё знал. И ахнул: «Боже мой, деревянная храмовая скульптура XII века! Действительно, интересно, мадам, как вы ее будете вывозить отсюда?» А я отвечаю: «Нет, вам не подарю, я умру, но Парвати мне подарили, это супруга Шивы! Нет, это я увезу, во что

бы то ни стало, на память о вас, о посещении Бангалора».

Попытались мы с ним оттереть следы краски, но они и сейчас всё еще есть. У нее не хватает только одной руки. А так она вся очень фигуристая. В руке должно быть блюдо со светильником. Святослав мне объяснил, что это большая редкость. Индийская древняя скульптура начала Средневековья, до того как пришли мусульмане, была в основном деревянной, так же как деревянными были храмы.

— *Всё-таки в Кулу вы попали или нет?*

Конечно, попала. Первый раз я попала с поэтом Валентином Сидоровым, с «махатмой Сидоровым», как мы его, смеясь, называли. Меня в Кулу первый раз выпихнуло посольство, просто силком, потому что приехал Сидоров. Он приехал от журнала «Огонек», привез мне записку от Людмилы Васильевны Шапошниковой (мы с ней вместе учились, она была аспиранткой, я — студенткой), с просьбой ему помочь. Это я проигнорировала, мало ли кто мне пишет записки. Но когда меня вызвали в посольство и сказали, что вы живете в посольском доме, практически бесплатно, мы создали вам условия, неужели так трудно пойти навстречу и на недельку, на две съездить в Гималаи к Рериху... А так как от Учителя не было вестей, думаю, ладно, съезжу на неделю. Вот тогда «Семь дней в Гималаях» и образовалось у Сидорова, повесть, которую он написал и которая стала бестселлером.

Так с Валентином Митрофановичем мы и поехали. Я — недовольная, ворча, совершенно не желая с ним разговаривать по дороге. Вообще он получил спутницу — не очень! Но когда мы приехали в Гималаи, у меня резко поменялось настроение. Думаю, ну ладно, увижу Святослава Николаевича, Девику Рани. Это

было после нашего знакомства. Почему они так страшно удивились, когда мы свалились на голову, потому что я отказалась, вроде, с ними ехать и вдруг лезу через забор ночью. Я объяснила, что мистеру Сидорову нужно здесь побывать, он так рвался!

Мы приехали поздно, в 10 часов вечера. В Индии в 10 вечера — хоть глаз выколи. На наше счастье, у них были гости. Ограда вся закрыта. Забор мне показался высоким. Я через забор вообще в жизни не лазала. На каблуках, с нижней юбкой, в сари, попробуй перелезть. Сначала я выкинула туда туфли, а потом с трудом мы перелезали. Позже Девика сказала, что в Кулу в это время появлялись леопарды, Гималаи же! И Рерихи выпускали на ночь для охраны тибетских терьеров в ошейниках с острыми шипами — если схватит дикий зверь, то не сможет укусить. Собака и залаяла! Потом появилась фигура Святослава в дверях, освещенная. «Как, вы, через забор?!» Я говорю: «Вот, вынудил меня лезть к вам через забор!»

Ночевать нас отправили в гостиницу «Кастл», которая внизу, в Наггаре. Поместили в тронную спальню. Там была кровать, метров десять на пять. И, конечно, Сидоров улегся на нее, а мне пришлось спать на диванчике. Он сказал, что очень устал.

— *А вы знаете легенду про Махарани, которая жила в Кастле? Раньше там был замок местного махараджи...*

Нет. Я только знаю, что там иногда ходит привидение.

— *Это Махарани, которая появляется в полнолуние. Она бросилась со скалы и с тех пор появляется.*

Может быть. Меня спрашивали: «Вам привидения не являлись?» Я отвечала: «Кроме Сидорова, никакого привидения перед моими глазами не было».

Потом Святослав с Девикой иронизировали: «Спать в одной комнате молодой леди с джентльменом! Нет! Я был о вас лучшего мнения!» Он же страшно ироничный был человек, веселый, любил подшутить. Я ему в ответ говорила: «Зато вы — лакировщик, у вас все женщины на полотнах — красавицы, а я их видела воочию — совсем нет. Я вас отношу к художникам-лакировщикам». Он тоже смеялся: «Но я люблю красоту». Такие у нас были любимые шутки!

— *Какие у вас воспоминания о Кулу? Чем вы там занимались?*

Во-первых, мы много гуляли по Гималаям, по горам. Святослав Николаевич только и занимался тем, что водил, показывал все окрестности, все старинные храмы, возил в Манали.

Очень часто в лесу встречались местные индийские храмы. Просто берут какой-то барельеф с изображением или скульптуру и прислоняют к старинному дереву. Это, вроде, и храм. А Святослав, чтобы сохранить барельефы, иногда приносил их домой. У Рерихов вдоль стен дома они все стояли, прислоненные. Это всё развалины старых храмов.

Святослав очень легко ходил по горам. Вперед бежал, бежал, бежал... Потом тащилась я, потом тащилась Девика, шли слуги с зонтиками, чтобы нас заслонять от солнца.

Обошли все окрестности Кулу, и наверх лазали, Святослав сам показывал здание института «Урусвати». У меня есть кристалл из «Урусвати».

Институт тогда был закрыт. Но там сохранялась какая-то атмосфера присутствия. Стояли кресла, сосуды с реактивами. Святослав открывал сундуки, доставал всякие одежды, охотничьи трофеи, тигровые шкуры. Он хотел сделать этнографический музей. И хотя институт был тогда законсервирован, когда Святослав рассказывал, дом как бы оживал.

С.Н.Рерих и Н.М.Сазанова.
Бангалор, гостиница «Ашока», 25 ноября 1991

Дом Рерихов в Наггаре. 1989

Боги долины Кулу. Наггар, 1990-е

— Как вы думаете, Святослав Николаевич надеялся возродить институт?

Нет. Он понимал, что это невозможно, хотел на новой основе создать музей, чисто этнографический. А «Урусвати», как научное учреждение, — это уже в прошлом.

— Собирались ли Святослав Николаевич построить музей отца? Говорят, он завез черный туф, специальный камень для постройки зданий.

Не знаю, во всяком случае, при мне это не обсуждалось. Святослав жил своей жизнью. Он не был сыном Рериха, он сам был Рерих, как сказал свамиджи, он был махариши. А махариши не живут воспоминаниями, они живут своей жизнью. Святослав с большим уважением относился к родителям и что-то иногда говорил о них. Но он считал, что именно Россия должна создать музей. Конечно, вспоминал о родителях, но редко. Мне не хотелось его расспрашивать. Святослав был настолько интересен сам, настолько был самодостаточной личностью, и великой. Ну, родители и родители, и прекрасно, а он сам по себе.

Скорее даже рассказывала Девика, какие-то интересные подробности о Елене Ивановне, чисто бытовые. Она говорила, что Елена Ивановна очень любила хорошую обувь и выписывала ее из Парижа, у нее была маленькая красивая ножка.

Святослав говорил: «Да, у моей матушки в спальне горел свет, и там мы слышали голоса, но мы не входили». Так, он изредка что-то бросал. А воспоминаний — нет. У них была своя жизнь. Он женился, жил в Бангалоре. Ведь хоронил-то ее Юрий Николаевич. Святослав говорил: «Ну, почитайте, там есть книжки матушки». Но особенно не распространялся.

— Вы видели, как Святослав Николаевич рисует? Как он себя держал при этом?

Да, конечно. Вел себя, как ведут художники. Ставил работу на мольберт. Сердился, если кто-то двигался, кого он рисовал, и очень властно говорил: «А теперь опять повернуть надо голову так». Хватал какие-нибудь краски и начинал: «Нет, нет, не выходит, цвет не тот синий, сейчас я найду».

— Это он вслух говорил, сам себе?

Сам себе и тому, кого рисовал, чтобы знал место. Он при мне рисовал работницу со своей плантации. Очень строго сказал: «Сидеть!»

— Но ведь Святослав Рерих не всех подряд рисовал. Чем был обусловлен его выбор, на ваш взгляд? Вас-то не рисовал?

Он сто раз предлагал меня рисовать. Я не соглашалась. Сидеть по три часа, как мумия, зачем это надо?

— А как в быту, каким был Святослав Николаевич?

В быту — прелесть! Святослав очень напоминал моего папу и вообще старинных людей. Он в быту был образцом XIX века. Когда я жила в Кулу, мне казалось, что живу в тургеневской усадьбе, и он здесь хозяин, прекрасный, со слугами, со всем окружением, очень внимательный к своим гостям. Любил стоять перед зеркалом и причесывать свои усы. У него была такая щеточка, как у папы, с перламутром и с камешком. Со своими Святослав был тихий, но, я бы сказала, насмешливый и веселый. Но это только со своими, с другими тут же закрывался. Великолепно знал где, когда, с кем как себя вести. Как вести себя с премьер-министром Индии, с послами, с Адити Васиштхой, со мной. Это

воспитание. Это все Рерихи умели. Но советской действительности они не знали. Что говорить...

— *Расскажите подробнее, как вы жили в Кулу?*

В доме Рерихов у меня была постоянная комната — Юрия Николаевича, на первом этаже, она примыкала к ванной. Но без горячей воды и электричества, при свечах жили, а воду горячую мне приносил слуга. Святослав был очень внимательный и заботливый, он любил хорошо организованный быт. В Кулу держали много слуг: повар, помощник повара, уборщики, садовник... Каждый день приходил местный священник. Мы делали пуджу, цветы приносили, ну всё как полагается, перед изваянием Гуга Чохана, которого потом объявили аватарой Вишну. Святослав стоял и медитировал о своем. Каждый о своем просит, только, смотря какого бога.

Если это воплощение Вишну, то его негоже просить о материальных вещах, его просят о духовном, о просветлении, о хорошей карме. Если это Ганеша, то ему можно положить монетки, молиться о денежке, о процветании дома. Там очень строго распределено, у кого о чем просить. Ганеша — покровитель любого начала. Студенты, когда идут сдавать экзамены, маленького Ганешу кладут в карман. Перед этим его нужно окурить, и денежку ему положить, и положить виноградику, и сказать: «Ты хороший, Ганеша, помогай!» Очень помогает!

— *Часто вы бывали в Кулу?*

Да каждый раз, когда приезжала в Индию. Последний раз была в октябре 1985 года, хотела попрощаться со Святославом перед отъездом.

— *А самая последняя встреча со Святославом Николаевичем?*

Последняя встреча была в Бангалоре. Грустная встреча, потому что Святослав уже практически не видел. Он чувствовал себя после первой операции плохо. Я восхищалась Адити Васиштхой. Каждый вечер, несмотря ни на какую погоду, несмотря на сопротивление Девика, она приходила, садилась рядом с ним, брала его за руку и медитировала. Ему становилось легче. Он по рукам определял, кто пришел. Когда я приехала, он положил руку: «А, это Натали». Я даже поселилась специально в той же самой гостинице «Ашока», в соседнем номере. Вообще-то глупо, что они жили в одной комнате. Это ужасно! Тут же медсестра, Девика всё время в коридоре, у нее очень болели ноги. Такая толчая! Маленький номер, прихожей не было человеческой, две кровати и тумбочка.

Я прожила около него тогда недели две. Денег уже больше не было. Поездка очень дорогая.

Последние годы вокруг Святослава Рериха было много политики. Даже меня к нему пытались не пускать. Настали другие времена. Посол не пускал. У меня отняли подготовленные вместе с Ольгой Владимировной Румянцевой материалы по открытию государственного музея Рериха в Москве. Я везла их в Бангалор Святославу. Мы всё согласовали в Совете Министров. Еду радостная, думаю — Святославу такой подарок! И вдруг меня встречают Александр Михайлович Кадакин, советник-посланник, и с ним еще советник по политическим вопросам. Боже мой, какая честь?! Я ехала как эксперт от Сороса, и со мной были еще два представителя, наши, русские. Они тоже везли Святославу какие-то подарки, хотели с ним познакомиться. И вдруг нас встречают, это что-то подозрительно, чтобы меня так встречали. «Наталья Михайловна, надо в посольство». Я, радостная, по-

казываю им документы, какой будет музей Рериха, в великолепном здании. Кадакин отобрал бумаги и положил к себе в карман: «Всё, больше вы не получите». Какую я ему истерику устроила...

Потом нас отвели обедать, и пока обедали, у меня перевернули все чемоданы. Они начали следить. Но не учили, что все индологи — это мои мальчики, которых я воспитывала и учила в университете. И один из них предупредил: «Я должен за вами следить». Говорит: «Наталья Михайловна, хочу вам сказать, что вас не пустят в Бангалор. Вот вы доедете до Мадраса, а там даже ваш любимый консул (с которым мы страшно дружили, Вадим Георгиевич Черепов), он вас задержит. И вы вернетесь обратно в Дели, в Бангалор вас никто не пустит».

— И действительно не пустили из Мадраса?

Из Мадраса нас, конечно, не пустили. Черепов ко мне пришел и прямо чуть не плакал: «Я не могу, я официальное лицо, мне приказано». Там второй мой мальчик пришел и сказал: «Наталья Михайловна, не надо вам садиться на самолет до Бангалора, возвращайтесь в Дели. У вас же есть индийские друзья?» Я говорю: «Есть». — «Пусть они из Дели купят вам прямой билет до Бангалора». И я доехала до Бангалора.

В то время к Святославу вообще уже никого не допускали, чтобы он не узнал, что в Москве вытворяют. Еще до болезни он меня спрашивал: «Наталья Михайловна, а если я насовсем приеду в Россию?» Я сказала: «Вы с ума сошли! Что вам делать в этой России? Девика будет по магазинам в сари ходить и стоять в очередях? Вы что?! Какая вам Россия...» Я ему говорила: «Вам судьбы Юрия мало? Ну, приезжайте».

— Как же вы из Дели добирались до Бангалора?

Я же президент Индийской Академии всё-таки, взяла билеты и полетела в Бангалор. И там было очень интересно. Прилетела, захожу к Святославу, он говорит: «А мне сказали, дорогая, что вы не прилетите. Я так расстроился... Мне только что звонил Кадакин». И вижу, с ужасом, что он набирает номер Кадакина и говорит: «А она у меня!» Но они уже ничего сделать не могли, я не подлежала компетенции посольства. Я же профессор университета.

После смерти Святослава Рериха я попала в его бангалорское имение, в Татгуни, хотя оно и было закрыто. Пришла, поговорила с полицейским, и меня пропустили. Печальное зрелище. Озеро высыхало. Но надо было побывать на могиле у Святослава и Девики. Сейчас уже саркофаги построили, мраморные. Говорят, там будет музей...

Апрель, 2004